

И в каменном веке, и в период Возрождения, и в эпоху Ренессанса, и при социализме и прочих «изма-х» — в общем, во все докомпьютерные времена молодым мешали жить. Мешали-мешали, а потом свалились на молодецкие головы демократические свободы — это чтобы по сторонам не отвлекались: надо же кому-то увеличивать частные капиталы, не утруждая себя мыслительными процессами. Но это я так, мимоходом; главное — упаковать красиво. Как говорил мой друг Колька (сейчас он в миру уже Николай Михайлович): «Жизнь прекрасна и удивительна, но не всё удивительное прекрасно».

Да, Николай Михайлович, красивые и молодые мы были ребята, да тогда в геологи других и не принимали. Это сейчас, в наше удивительно честное рыночное время «капитализма с человеческим лицом» (интересно, что тогда мордой называется?), глянешь на себя в зеркало — и аппетит пропадает, и изумлённо думаешь: как же ты, Славка, до такого Вячеслава Алексеевича докатился?

Простите, немного отвлёкся. В средневековье, когда все жили одной жизнью и никто не имел понятия о жизни виртуальной, на Западе уже существовало намного более продвинутое общество; потом, конечно, мы их догнали и перегнали — фиг теперь они нас догонят. Европейцы тогда мылись аж два раза: не в день, а в начале и в конце жизни. Чтобы, значит, не смывать следы крещения. Может, и правда — вся зараза от воды? Медведь не моется — вон какой здоровый. Ну вот, теперь на гигиену отвлёкся. Всё, больше не буду. Дальше — только факты.

Существовала проблема, и называлась такая проблема конкретно — «нечистая сила». В Европе вычислили: подъёмная сила метлы не более пятидесяти пяти килограммов, поэтому раньше ведьмы-модели сгорали даже не сотнями, а тысячами. Или по-другому проверяли: кинули в воду, выплыла — значит, ведьма. Ну а если ошибочка вышла, то извините: не ошибается тот, кто ничего не делает.

И пусть сейчас так не принято, но я вам за просто так — без процентов и дополнительных финансовых вложений, то есть на халяву, — повышаю ваш ай-кью. Чтобы вы, хотя бы теоретически, с этой темой были знакомы. А то про прокладки все, от мала до велика, знают — это такая реклама,

повышающая аппетит, а про нечистую силу... Встретитесь с таким явлением и не будете знать, что делать: то ли в обморок падать, то ли уговаривать купить что-нибудь ненужное.

Так вот: как вы думаете, будут там, в прожжённом капитализме, деньги выкидывать на ветер? Такие опытные бизнес-дельцы — и просто так, ни за что? Правильно, не будут. А вот если за нечистую силу... Поэтому за замок с привидениями сумму выкладывают намно-о-ого бóльшую. Вот вам и доказательство, как последний вбитый гвоздь, — могли бы и раньше поверить.

В советское время, когда слово «бизнес» было словом ругательным (было-было, закройте рот), на Западе — это там, за бугром (да не надо куда бежать, это просто фигуральное выражение — от слова «фигу»), — слово это удобно устроилось над «демократией», да и сейчас от этого матраца не отказывается. При социализме в нечистую силу мало кто верил, и у нас её почти и не было. Так, чуть-чуть, и то — только в сельской местности. Может, это связано с экологией, может, с «железным занавесом», но нас с Колькой это поначалу абсолютно не касалось: у нас другая забота нарисовалась.

Были мы с другом Колькой на геологической практике и оконтуривали песчаное месторождение. Если проще, то копали шурфы и отмечали мощность песчаного слоя, толщину то есть. Про угол падения, азимут и пробы объяснять ничего не буду — вам оно надо?

Ладно, лучше всё по порядку. Подвело нас неудачное стечение обстоятельств. Они к нам, бывает, стекаются. Неподалёку от нас находился большой мелкий водоём, и в этом водоёме плавали, ныряли и отдыхали на берегу гуси. У них, значит, курорт, а у нас работа. Много их было, кто их там считал, просто много — и всё. Может быть, гуси были колхозные — на них не написано.

Сидели-сидели мы с Колькой на отвале возле шурфа и переживали за нашу молодую несвободную жизнь. С одной стороны — всё не так плохо: Папа — наш начальник партии — организовал трёхразовое питание, и спать можно прямо на базе, на раскладушках. База — это большой пустой дом, арендованный нашей партией. Спи бесплатно и смотри тоже бесплатно цветные сны: цветные,

естественно, не для всех, а только для творческих натур. Мы с Колькой только цветные смотрели. Но с другой стороны—каждый день баранина с кашей, на обед—в стеклянной банке омлет с собой в поле, ну и воду, конечно, брали. Из этого меню только она и не надоедала. А если учесть, что наш Папулька и жил на базе в отдельной комнатке, и молодым никогда не был... И вот тут нас подвело одно не признанное наукой явление.

Обидно бывает за нашу науку. Учёные будут несколько лет доказывать, что в огурцах витаминов нет, потом наоборот—есть в них витамины, а ещё могут убеждать, что чем меньше сливочного масла и мяса в стране производится, тем эти продукты вреднее, а вот насчёт телепатии до сих пор не определились.

А мы сидели-сидели с Колькой, молчали-молчали, глядели-глядели на этот гусиный беспредел, ну и кто-то из нас сказал, что надо палку взять. Больше ни слова не было. Телепатия.

Ну ладно, мы с Колькой не первый год друг друга знаем, а откуда про двух добытых гусей наш Папик узнал? Ведь всё проглядывалось—степь да степь кругом: до самого села наблюдателей не было. Так он не просто узнал, а ещё и пообещал пристально наблюдать за нами как за родными и чуть что—сообщить в наше учебное заведение.

На следующий день мы планировали дальнейшую жизнь, сидя на отвале очередного шурфа спиной к озеру. А ещё говорят—«молодым везде у нас дорога». Сами понимаете, жизнь под надзором—это не жизнь. На чём-нибудь да проколешься, и ещё неизвестно, кто больше потеряет: мы без геологии, или геология без... ну ладно. Но поблизости к базе квартиру никто не предлагал, а далеко забираться тоже не хотелось.

Так ничего и не придумав, пришли на базу, сдали полевую книжку, поужинали и сидели за длинным колхозным столом (Папик с председателем на время полевого сезона за стол договорился) просто так. Хмуро сидели.

— А этот чего здесь сидит?—заинтересовался Колька.

Надо сказать, что в партии у нас был рабочий народ разношёрстный: бывший милиционер, бывший учитель пения, музыкант из похоронного оркестра, покинувший оркестр в надежде поправить у нас (!) подорванное алкоголем здоровье и в упор не признающий музыкантом учителя пения, один начинающий наркоман и несколько бывших эзков—партия-то геологическая.

Был ещё один член нашего коллектива—он уже всем сообщил, что разведён и поэтому абсолютно свободен. Видимо, ждал, когда подберут. Было ему, как он выражался, полста пять лет, и в хорошем настроении он был уверен, что вся жизнь ещё впереди, но при другом настрое вся

жизнь виделась в таком месте, которое, как ни крутись, не увидишь.

Вот он и сидел на другом конце стола в глубокой задумчивости. И это нам показалось странным. До этого вечера быстро закинет в себя ужин—и бегом к себе. От него же мы знали: комнату он снял недалеко от базы, «да ещё с такой уникальной женщиной—вам и не снилось». Ага, ещё бы нам разные старухи снились. Спасибо на добром слове. Но сейчас мы почувствовали между ним и нами над длинным столом из струганых досок какую-то мощную незримую связь. И пока я думал, как бы поделекатнее вызвать его на дачу показаний, Колька спросил:

— А тебя, Василич, уже выгнали, что ли?

— Чего это выгнали?—резко дёрнул головой тот.— Я сам ушёл,—он повернулся в нашу сторону всем туловищем,—сам. Взял и ушёл! Лучше тут буду.

Вот ведь не зря мы почувствовали, что должно нам повезти, но я на всякий случай—по горячему, чтобы на попятную не вздумал:

— Василич, так, значит, если ты оттуда—сюда, я правильно тебя понял?—Василич кивнул,—то мы можем на твоё место? Ага?

Василич поглядел на нас так, вроде первый раз увидел:

— Ребята, да чем вам тут плохо? Ребятки, от добра добра не ищут, там мёдом не намазано—не рыпайтесь. И комнатка небольшая,—видимо, представив прежнее жильё, нервно передёрнул плечами,—и, сами понимаете,—не бесплатно.

Но мы его уже не слушали. Тут надо успевать и другим хорошим людям дорогу перебежать, и до темноты успеть: как стемнеет, будешь звать хозяина, а отвечать тебе только собаки будут, но по-собачьи и нецензурно. Да и хозяин может так же ответить, если будешь по тёмному шуметь.

— Это точно,—уверял, широко шагая, Колька,—он к ней полез, а она ему,—Колька в полупоклоне махнул рукой во всю ширину улицы,—гуляй, Вася, ты прекрасен, но не здесь, а у себя на базе,—зуб даю.

У Кольки зубов как у акулы, иначе все бы уже раздал. Настроение наше поднималось круто и непобедимо, таких ребят, как мы, со своего фарватера не собьёшь...

Забор и ворота выглядели аккуратно и свежее-выкрашено. Я набрал в грудь побольше воздуха, собираясь вызвать хозяйку под наши светлые очи, но не понадобилось. Звякнула металлом калитка, и она медленно, с неприятным скрипом, отворилась.

— Заходите,—голос был спокойный и явно женский.

Смущало то, что сама она за открытой калиткой не просматривалась.

Мы переглянулись, и после небольшой паузы Колька очень бодро скомандовал:

— Заходим!

И мы зашли. И остановились. Потом, конечно, и разглядели добротный дом с резными наличниками, и тяжёлую калитку за собой прикрыли. А пока глядели на высокую женщину, которую ни бабушкой, ни бабушкой называть как-то неудобно. Серьёзная женщина. Осанка у неё была такая, словно она всю жизнь балет танцевала или княгиней работала, а вчера на пенсию вышла. А может, ещё и не вышла. Вот правильно говорят, что глаза—это зеркало души. Чьей только? В её ярко-зелёных глазах я видел нас: понятных до самого-самого доньшка. Колька потом тоже что-то про женский рентген высказался. Это для других мы такие крутые, что дальше некуда, а сам-то знаешь: мявкает иногда душа жалобно, как бездомный котёнок под дождём,— да и вообще, на базе жить всё-таки можно, не такой уж плохой мужик наш начальник.

Шевеление у её ног помогло нам перевести глаза на... Я сразу понял: собака Баскервилей этой же породы. И когда женщина повернула к ней голову (Господи, такие профили только на монетах чеканить), зверюга, лежащая на зацементированном дворе, на время прекратила нас изучать. Не отрывая голову от пола, перевела жёлтые глаза вправо и вверх— на хозяйку. Какое-то время зелёное и жёлтое о чём-то советовались, а потом снова этот цербер стал изучать прежнее меню.

Если хозяйка у нас вызвала какую-то оторопь, то уж такая собачка... Никому не понравится, когда на живых людей так смотрят. Но мы с Колькой в такие моменты никогда не признаемся, что в наших мозгах и здравый смысл иногда пробегает. Потому, что мы друг друга круче. В общем, я почувствовал: вяпались. Меня несколько не удивило прозвучавшее: — А ко мне собачки очень быстро привыкают,— и стало ясно, что обратного пути уже нет.

Само собой, и я подключился:
— Здравствуйте, хозяйюшка!— в горле першило, я кашлянул.— А мы к вам,— и снова закашлялся, но хозяйка помогла:
— Добрый вечер! Насчёт квартиры, наверное, ребята...

Мы синхронно кивнули, но я отметил: забыла она вопросительную интонацию присобачить. Я опять посмотрел на друга человека, но так, чтобы глазами не встретиться,— спасибо Василичу, удружил...

— Значит, так, ребята-удальцы. Звать меня Ядвига Ивановна. Да ты прикрой калитку, не бойся,— это она уже мне, лично.— Захочет— перемахнёт. Одна комната будет ваша— небольшая, но другой нет. В доме зимний туалет есть— будете им пользоваться. Причина простая: я женщина одинокая и после десяти вечера Волчека отпускаю.

После этих слов я ожидал какой-то реакции, но не дождался. Вообще-то меня бы несколько

не удивило, если бы кто-то из них иронически ухмыльнулся.

— Сейчас я Волчека прицеплю и комнату вам покажу. Пойдём, Волчек.

Волчек не торопясь поднялся с пола, громко зевнул (лучше бы не зевал), ещё раз оценил нас и разочарованно поплёлся в глубь немаленького двора.

Мы с места не двигались, пока не позвали. Даже очень захотелось сделать хозяйке что-то доброе. Когда вели комнату показывать, Колька (он-то сам сельский) заметил за вольерными оградами слева и справа от хозяйского участка: поливают соседи свои сады-огороды. А чего не поливать? Вода дармовая— в задах их участков ручей протекает, так они себе такие водоёмы отбабахали— даже рыбку в них развели.

Нам Ядвига Ивановна купаться в своём пруду разрешила. Только чтобы никакого вреда не было. А сад её мне лесом показался. Дремучим и старым.— А давайте мы вам всё польём!— щедро, не спрашивая меня, предложил Колька.— Я смотрю, земля сухая...

— Спасибо, полито уже.

В общем, комната нам понравилась. Нам она если бы и не понравилась, то всё равно бы понравилась: спасибо другу Кольке. Кровать пусть одна, но двуспальная, с никелированными шпешечками на спинках. Между окном в сад и кроватью— неширокий проход, как раз по размеру узенькой самодельной тумбочки. На стене у входа избражала вешалку мощная доска со старинными коваными четырёхгранными гвоздями с большими шляпками.

Больше никакой мебели в комнате не было. Ну, нам больше и не надо. Постельное бельё аккуратной стопочкой лежало на подушках, тумбочку можно использовать вместо стола: закуска поместится— и ладно.

Колька, когда остались сами, посидел, помолчал и высказался:

— Странноватенькая эта Ядвига Ивановна. Странно-ва-тень-ка-я. У нас в селе одна такая была. Все говорили: ведьма. И чем-то, Слав, они похожи. Эта тоже на строгую учительницу смахивает. Заметил, как они с собачкой переглядывались? Но знаешь, в чём основной секрет силы ведьминской? Это всё, Славка, только психология, зуб даю.

— Ну, это уже во второй мешок будем складывать,— высчитал я, но лекция продолжалась: сейчас он как глухарь на току, надо потерпеть.

— Вся её сила действует, пока ты в её колдовство веришь. А если в эту фигню не веришь и нам эта фигня до лампочки, то нас эта фигня не касается. В нашей жизни главное что? Чтобы не скучно было жить. И у нас, Славка, сегодня,— он залихватски подмигнул,— ещё столько работы, столько работы...— и воскликнул:— Обживаемся, Славка!

И тут же успел и туалет проверить, и сообщить мне, что если вдруг ему будет тесно спать, то я могу ночку-другую на базе перекантоваться. На что я ему сразу же сообщил, что постараюсь бережно подготовить его Наталью к такой интересной новости. И ещё (не терпеть же) напомнил, как его собаки любят: я-то знаю, откуда у него защитный шрам на интересном месте.

— Не вы меня за задницу кусали — не вам и обсуждать, — высокомерно ответил Колька.

Чтобы не прожигать жизнь зазря, сходили мимо внимательного Волчека на базу за вещами и в магазин за необходимыми продуктами. И когда наконец-то попали к себе, я откинулся на кровати, заложив руки за голову. Какое-то беспокойство в душе было, но я всё равно воодушевился: ну что, Папуля, — съел?

Коля постоял, поставил свою сумку с двадцатью одной семёркой (был такой портвейн «777») у кровати и спросил:

— Ты, случайно, не ослеп от счастья?

— Чего вдруг? — я сел на кровати.

— Глянь! — он ткнул пальцем за окно.

Я внимательно осмотрел сад за окном, а потом и Кольку. Понимая, что смотреть и видеть — это не одно и то же, Колька сообщает:

— Земля сухая. И канавок нет.

— Коля, да она просто раньше полила, — предположил я. — Дался тебе этот полив.

Колька подарил мне милосердный взгляд и принялся оформлять праздничный стол. То есть на газетку на тумбочке стал выкладывать наши припасы. А я взялся колбасу нарезать. Ну надо же, как человеку поливать захотелось...

Два вечера мы праздновали свою победу и спали как убитые. Конечно, мы обсудили нашу хозяйку и сверху донизу, и снизу доверху, и по диагонали. Специализацию нашей бабы-яги не определили, но и обсуждать надоело: если каждую ведьму обсуждать... Правда, я в ведьмах не разбираюсь, но и Колька не смог объяснить, чем ведьма от колдуньи отличается, — тоже мне, специалист. Перед третьей ночью в магазин не наведывались: устали от диспутов.

Проснулись утром раненько, потому как окно вечером оставили открытым и комарикам мы очень понравились. Они не дураки на халыву выпить. Решили, что надо что-то для этих кровопивцев купить, пока мы до дна не выпиты.

Выходя со двора, пожелали доброго утра Ядвиге Ивановне, на что та, расчёсывая длинные, с серебришкой, волосы, откликнулась:

— Я вас, ребята, забыла предупредить: девчат сюда не водить. Коле и так нельзя, Коля свою Наташу огорчать не будет, а Слава... — не отрывая от меня глаз, она наклонила к плечу голову...

— А Слава тоже огорчаться не будет, — посмотрев в сторону Волчека, согласился я.

— У тебя, Коля, с Наташей всё ведь серьёзно, правда? — баловалась своим рентгеном Ядвиг Ивановна.

— А как же?! Серьёзней не бывает! — отрапортовал Колька, у него не заржавеет. — Всё путём! А почему спрашиваете?

— А чтобы было всё путём, — криво усмехнулась правой частью своего чеканного лица Ядвиг Ивановна.

Уже сидя за нашим базовым столом, я случайно заметил внимательный взгляд Василича. Глядел Василич на Кольку. А Коля поднёс кружку с компотом ко рту — и за компот забыл. Сидел, как статуя тех времён, когда ещё не догадались скульпторы чашечками-ямочками радужницы глаз обозначить. Сидел с глазами открытыми, но наружу не глядел.

— Коля, — тихо позвал я, — пей компот...

Он вернулся в наш мир, кивнул, влил в себя компот. Молча. Я решил подождать, пока он не заговорит. Я тоже не хотел лишний раз паниковать, но смутила меня утром одна зелёная веточка. У входа в дом на ступеньке лежала. Ночью то ли снилось, то ли слышалось: вода плескалась в конце сада, и пел кто-то негромко. Слушал, долго слушал — потом друг Колька ворочаться стал. А я заснул. Так хотелось хотя бы мелодию напева вспомнить — нет, не получалось... Но голос красивый... очень.

Ну, мало ли чего нам снится или слышится, вот только веточка эта кабомба называется. Я раньше аквариум держал, знаю такое растение — водяное оно, на суше не растёт. Ветром эту веточку принести не могло...

Коля молчал. Я ждал. Нас развезли по точкам на нашем старом грузовике, мы — молча и слаженно, не в первый раз, — вытащили крепление-опалубку с законченного шурфа, перетащили на новое место всё своё рабочее хозяйство и сели.

— Слава, — произнёс бывший немой, — а откуда она знает наши имена? Мы при ней друг друга никак не называли.

Мы помолчали. Я старался вспомнить. И вроде он был прав. Неуютно как-то стало.

— Может, у наших спросила? — неуверенно предположил я.

— Ну конечно. Побежала на базу спрашивать. Постеснялась у нас спросить. Стеснительная такая. А про Наталью? Про Наталью только ты и я знаем. Ты и я, больше никто. Про неё откуда? Слава! Про неё — откуда?

Наступила звенящая тишина. Наверное, это звенел перегретый от зноя воздух. Мы молчали. Колька произнёс:

— Слав... Ты когда спал... смеялся кто-то... Под окном, тихонечко так, но я слышал... Смех такой идиотский... аж мороз по коже, — он передёрнул плечами.

И раньше наш будущий песчаный карьер и водоём с гусьями—будь они трижды неладны, из-за них всё,—накрывал выцветший от жары светло-голубой купол неба, давно высохшая трава уже не ждала дождя, кое-где гускло зеленели пыльные, наполовину сухие кусты шиповника,—всё было как и раньше. Только мне как-то не по себе стало. Видимо, не показалось: точно кто-то плескался ночью...

А с именами прокололась Ядвига Ивановна. Забылась, видимо. Может, эти ведьмы, когда волосы расчёсывают, колдуют чего-нибудь, вот по рассеянности и высказалась... Думала, мы ничего не заметим.

— Коля, давай свои лопаты на квартиру возьмём. У нас же никакого оружия нет.

— Да у неё и возьмём. Если спросит, скажем: тупые они—поточить надо. У неё они справа, под навесом, у стенки стоят, я видел. Мне она, Славка, сразу подозрительной показалась. Я в селе вырос. У нас коров в стадо многие по другой улице гоняли. Знаешь почему? В конце улицы бабулечка одна жила. С виду божий одуванчик. Зубную боль могла заговаривать. Но бабы рассказывали: глазли-ива-ая,—Коля покачал головой.— Если не понравится чем хозяин или хозяйка—сглазит корову, и попробуй потом её вылечить. На нашего ветеринара самогона не напасёшься. Мне знаешь как от матери влетело, когда я напрямую корову в стадо погнал? Пусть суеверия, но корова дороже... А дом ты её видел? У одинокой женщины дом так выглядеть не будет. А сад какой? А?! Это же соток сорок! А ей поливать не надо! И этот ещё под окном зевает...

— Кто зевает?!—скинулся я, хотя, конечно, надо было бы спокойней отреагировать, но я сразу вспомнил, кто и как зевает...

— Кто-то,—не стал объяснять Коля.

В общем, отошли мы к ближним кустам шиповника, легли в продырявленную тень и выпалились по-человечески: в сон клонило после такой ночёвки. Но возвращаться на базу было нельзя: Василич явно знал больше чем надо и мог это дело обнаружить. А кому хочется быть посмешищем? Нас нечистой силой не испугаешь. Колька раньше высказывался так: главное в жизни, чтобы не скучно было. Не скучаем теперь. Выковыривая с тела разные сухие палочки и прочий мусор (эх, раскладушки бы с базы сюда), припомнил: — Кто тебя за язык тянул: «А ко мне собаки быстро привыкают»?

— Да если б ты тогда не сказал: «Надо палку взять»,—ничего бы и не было,—мрачно выдал Колька.

Нет, может быть, это я и сказал, но не таким же противным голосом,—и непроизвольно поглядел в сторону водоёма. И ведь все такие беленькие...

Но потом вместе решили: если бы Василич не темнил, то ничего бы и не было.

По возвращении лопаты захватить не удалось, по двору ведьма Ядвига шастала. Мы, конечно, чин чинарём, мы тут вовсе ни при чём, зашли к себе, посидели, послушали, и, дождавшись, когда во дворе наконец-то заглохло, Коля пошёл за лопатами.

— Коленька, неужто клад решили откопать? Так у меня только одно сокровище—доченька Алёнушка, но и этот клад в чужие руки не даётся...

Мамочки, да что ж нам не везёт-то так?! Ведь вроде в дом ушла... И, уже торопясь во двор, к другу Кольке, услышал:

— Ядвига Ивановна, так мы это, поточить решили, тупые совсем...

— Ты это про лопаты, Коля? Ты подожди, я сейчас напильничек и камешек принесу, а то как же вы их точить будете? Да вы на свежем воздухе садитесь и работайте. Я вам сейчас ещё инструмент поднесу. Вроде брат точил недавно—и смотри ж ты, затупились...

Натаскала она нам и тяпок, и лопат—ещё одну штыковую и две совковых, и даже пару вил. Мы мрачно оглядели это богатство и принялись вжикать: я—камнем, Колька—напильником.

Ядвига Ивановна принесла две чашки компота—компот холодненький, я по чашкам, когда из её рук брал, почувствовал.

— Не вздумай пить,—прошипел Колька,—только вид делаем, что пьём, понял?

Мы так и делали. Ощущали холодную испарину-конденсат на боках чашек и в такую жару «делали вид». И, пропади оно всё пропадом, я уже хотел сдаться, но Коля тихо сообщил:

— А она в сельской жизни понимает не больше твоего.

Меня это даже покорило: нашёл с кем сравнить. Я же друг всё-таки. Я к нему с уважением относусь: я ещё когда к мопеду с опаской приглядывался, Колька уже на тракторе «Беларус» в чужой огород въехал. Даже обещал и меня научить, когда трактор разбудем.

Но тут до меня дошло, что что-то я в упор не вижу.

Я потёр длинным камнем (оказывается, он оселком называется) тяпку:

— Ну, и дальше?..

— Ты оселком от себя води, когда к себе—только тупишь. И когда наточишь—по внутренней стороне лезвия проведёшь, заусеницы снимешь,—и Коля, взяв у меня оселок, прошёлся туда-сюда по плоскости своей тяпки.—Понял?—и отставил тяпку в сторону.

— Понял, не дурак. Объясни, что не так.

— Где ты видел, чтобы совковые лопаты точили? Или вилы?

— Так что—не точить?

— Не точить—себя выдадим. Компот на землю вылей—опоит чем-нибудь...

— Я теперь грамотно вжикал—от себя—по совковой лопате и вспоминал картину Васнецова. Алёнушку у пруда. Помнил, что лицо красивое, но лицо представить не мог. Словно после сна: во сне всё нормально виделось, а проснёшься—почти ничего и не помнишь. Очень хотелось её внучку увидеть. Красивая, наверное. И тут я вспомнил: кабомба! И даже работу прекратил.

— Чего ещё? — Коля тоже на время прервался.

— Ничего, всё нормально.

Я решил: не надо про это Кольке. Ни к чему. Разобраться сначала надо. По-человечески, без всяких суеверий. Логически.

В природе всякий организм имеет право на жизнь, независимо от того, признаёт его наука или ещё не определилась. Это факт. Неопровержимый. Вот если мамонты вымерли—так они точно вымерли. И мировая наука этот факт подтверждает официально. Вымерли. Но, с другой стороны, наши академики и доценты с кандидатами наотрез отрицали факт существования гигантских кальмаров. Учёные отрицали, а кальмары с кашалотами друг на друга охотились. Но чтобы подтвердить существование такого вида, необходимо было посетить китобойную флотилию «Алеут», а для этого требовалось от роскошных кожаных кресел оторвать такие же попы. А снежный человек? «Будут шкура и кости—тогда признаем». Сотни людей уже его наблюдали,—а им давай шкуру и кости. Даже в сми есть публикации: не боятся они с нашими женщинами жить. Шкуру и кости учёным подавай. Да пусть он и снежный, но человек—он ведь вашу шкуру не требует?

А про русалок сколько страшилок понапридумывали? Мужиков они к себе, видите ли, утаскивают! Вроде сухопутные не к себе, а другим их таскают. Насчёт русалок всё ясно: их существование наука не отрицает и шкур не требует. Наши учёные уже учёные. Фотографии иногда в сми бывают, пусть мутные, но видно, что грудь—женская. С этим всё понятно: каждая женщина желает абсолютно случайно показать, какая она прекрасная. В своей борьбе за равноправие они скоро с голым торсом ходить будут. Просто у русалок это всё естественно. И без всяких хищных мыслей. Никому и в голову не пришло: если у них грудь, то они такие же млекопитающие, как и мы. Чего вы им рыбы хвосты рисуете?

А если за тысячи лет никто никогда ни одной некрасивой русалки не видел—это о чём говорит? А уж голос какой—это я и сам слышал... Можно, конечно, голову в песок—и всё отрицать. И Ядвига Ивановна не существует, и дочери Алёнушки у неё нет—это просто групповая галлюцинация. Только их, групповых, не бывает.

Я почувствовал взгляд—и поднял глаза на Кольку.

— Ты чего? — тихо спросил он.

— Да так, думаю...

— Думай не думай, а объективную реальность на кривой кобыле не объедешь,—изрёк Колька народную мудрость, а я кивнул.

Что тут ещё скажешь? Учёные на всякий случай до другого додумались: «Все эти сущности попадают к нам из другой, параллельной, реальности». Ну вот зачем что-то потустороннее придумывать? Ведь взрослые люди... Где они видели, чтобы параллельные реальности пересекались? Они же—параллельные—е! Другая реальность—другое дело: мы с Колькой то в одну, то в другую реальность вляпаемся...

И какая же это нечестная сила, если она в воде постоянно плескается? Вот они-то как раз почище нас будут... А то привыкли: чуть что непонятное, так это или не существует, или обязательно плохо. Все эти профессора в своё время спорили: почему аквариум с золотой рыбкой весит столько же, сколько и без рыбки? Долго спорили, пока не взвесили.

Одиноко ей тут, наверное. И людям показаться побаивается. Нормальный человек гольшом к людям не пойдёт. Кольке хорошо: у него Наташка есть. А тут живи как хочешь...

В общем, как только привели мы в порядок весь садово-огородный инвентарь, Ядвига Ивановна бодро притащила кувалду.

— Что, тоже поточить? — раздражённо спросил Коля.— Я кувалды не точу.

— А её что—тоже точить надо? Разболталась она, на ручке не держится—может, клинышек какой вбить... или два...

Колька сунул кувалду в рядом стоящую кадку с водой и, уже направившись в спасительную комнату без всяких оборонительных инструментов, буркнул:

— Завтра будет как новая.

— Вот спасибо, ребята, уважили старуху.

Не знаю, как Колька, а я шёл за ним и думал: вот как вцепит сейчас в спину какой-нибудь фэйербол или что у неё там припасено, так с любой раскрасавицей такой тётчи не захочешь...

Перед сном уговорил я Колю искупаться—и не зря. Водоёмчик был не очень большой: метров двадцать пять в длину, а в ширину поменьше—метров пятнадцать. Но то, что хотел найти, я нашёл. По берегам водоёма густо росла смородина, а в прогале, на входе в воду, скамеечка стояла, и вот возле неё я и увидел отпечатки ног. Сомнения не было: следы женские—небольшие такие отпечаточки. Подумалось: расставь она пальчики пошире, то и перепоночки бы между ними отпечатались, но тут грунт плотный, потому и следы такие.

— Ну ты чего в воду не лезешь? — позвал Коля.— Сам меня сюда вытащил—и на берегу топчется.

Я ещё потоптался на следах возле скамейки и пошёл в воду. Пробовал донырнуть до dna

на середине,—не получилось. Да и темно там, внизу, ничего не разглядишь.

После купания долго не удавалось заснуть. Не спалось. Аэрозоль, купленный для защиты от комаров, действовал—не гудели. Но Коля сказал, что его всё равно кусают, и закрыл окно. Коля отрубился первый, а я лежал, прислушивался к разным звукам и незаметно заснул.

Ночью неожиданно проснулся. Как будто кто меня толкнул. Рядом посапывал друг Колька, но заснуть снова это мешало, и я, не открывая глаз, толкнул его, так, несильно, чтобы перевернулся и не сопел. Локоть попал в пустоту. Я был один. Но кто-то дышал. Рядышком. Как человек. Но даже под кроватью никого не было. И в тумбочке тоже. Полная луна холодным неживым светом освещала пустую комнату. Никого в ней не было. Я был один. Задержал дыхание насколько мог—всё равно дышало.

Доигрались.

Послышались тихие шаги. В коридорчике, соединяющем нашу комнату и туалет. Шаги приближались. Я понял: это уже за мной. Кинулся к вешалке, сорвал её со стены, бросил на кровать, поднял над головой тумбочку—она потяжелее будет, замахнулся.

И вошёл Колька.

— Славка, ты что?!—расширенными глазами он смотрел на меня.—Что случилось?

— Коля...

— Славка, поставь тумбочку!

— Да?—удивился я, глянув на тумбочку над головой,—и, опуская её, вспомнил, из-за чего всё началось.—Коля, я похож на сумасшедшего?

— Похож. Даже очень похож. Раньше ты на меня с тумбочками не кидался.

— Тут кто-то дышит.

— Так что—не дышать?—взгляд у него стал какой-то чересчур уж внимательный.

— Коля, слушай меня. Я выхожу в коридор, а ты тут,—я покрутил пальцами перед ним,—в общем, ложись на кровать и тихо лежи. Тихо-тихо. И слушай. Если что—я в коридоре.

Коля тоже покрутил пальцами, но у виска:

— Может мне лучше сразу—в окно и огородами?

— Коля, я прошу тебя...

И он согласился.

В коридорчике, ведущем в туалет, я ждал недолго.

— Слав,—позвал очень серьёзным голосом Коля—и я понял: зря на что-то надеялся. Значит, не показалось.

— В тумбочке ты всё солью пересыпал,—безразлично сообщил он.

— Что делать будем?

— А ничего. Что ты сделаешь? Уйдём утром. Нам собираться—только подпоясаться.

Не спали. Как ты заснёшь, если дышит? И именно в изголовье кровати дышит. Хотели подушки

переложить, но тогда совсем ничего не проконтролируешь. Да и ноги жалко. Утра мы, бодрствуя, дождались с трудом. Коля поклонился кровати: — Спасибо этому дому, пойдём к другому. Лучше уж на родной базе.

— Ага,—отвесил поклон и я.—Пошли отсюда.

И мы пошли. Дошагали по пустынному двору до ворот, но только откинул рычажок-защёлку—сзади послышалось:

— Ребята, вы что, уходите?

Мы обернулись на её голос, а за моей спиной закричала, самовольно отворяясь, калитка: идите, мол, на все четыре стороны.

— Почему уходим?..—помялся я.—Мы так...

— А откуда вы знаете, что мы... ну, уходим?—Коля сначала засмутился, но потом строго добавил:—А? — Так слышно же,—произнесла Ядвига Ивановна, поплотнее запахивая халат на ночной рубашке. Подвигала плечами и повторила:—Слышно...—она помолчала.—Может, дорого для вас... так я Алёнушке деньги уже отослала...

— Как? Куда?—поразился я.—А там кто?—я дёрнул головой в сторону водоёма.

— Где?—она испуганно отшатнулась.

— Напру-ду!—обличающе припечатал я.—Я следы видел! Женские!

— Так это мои следы, чьи ещё? Ну, напугали...—с неё словно гора свалилась.—Кому там ещё быть?

— А дышит там кто?!—Коля со своей указующей рукой был сейчас похож на известную статую: «Верной дорогой идёте, товарищи!»

— Где?—опять вскрикнула испуганная женщина (а как её ещё можно сейчас назвать?), сначала отшатнувшись, а потом бочком-бочком, оглядываясь, мелкими шажками продвигаясь к нам.

Она у нас, у мужиков, защиты искала. Да когда женщине, пусть она трижды, четырежды, да хоть десять раз ведьма, защита требуется—да что ж мы, мужики, не защитим?

— Спокойно, Николай!—приказал я.—Ядвига Ивановна, вы точно не знаете, кто там у вас дышит?

— Ребята, не уходите...—она прижала руки к груди.—Значит и прежний квартирант...

— А у вас в доме всё нормально?—возникла у меня одна мысль, но она требовала тщательной проверки.

— Нормально... как у всех, так и у меня... Посмотреть хотите?

— Вот именно,—твёрдо сказал я.—Раз уж вы ни при чём, но, возможно, вы и при чём, но вы про это не знаете...

Друг Колька смотрел на меня так, словно я ночью тумбочку себе на голову уронил.

Обстановка в доме была как у всех: телевизор, динамик местной радиосети, швейная машинка «Подольск», множество чёрно-белых фотографий в одной большой рамке, ковёр над диваном,

а у общей с нашей комнатой стеной стояла такая же, как у нас, раритетная кровать. А у кровати...

Прямоугольная ниша в стене вводила на мысль о бывшем здесь когда-то окне. Внизу ниша использовалась как полочка. Тут прекрасно помещались Струацки: «Трудно быть богом» и «Понедельник начинается в субботу» (я хозяйку сразу зауважал), ещё несколько книг, очки (точно не ведьма: где вы видели ведьм в очках?), какая-то женская мелочёвка и фотография. На фотографии улыбалась она. Да я только увидел фотку— сразу почувствовал: Алёнушка. Я её именно такой и представлял. — Здесь было окно,— громко объявил я, чтобы всем было понятно: всё разгадано, бояться нечего, Ш. Холмсы пусть нервно курят в сторонке.

— Да,— подтвердила уже не такая испуганная хозяйка.— Попросила заложить, но так, чтобы полочка пошире получилась. А что?

— Значит, в четверть кирпича заложили. Так я с самого начала и думал,— сделал необходимую паузу.— Это вы и дышали! Но вы про это не знали: вы спали!

Про разную толщину кладки мне дедушка рассказывал— ну, я и блеснул.

— Устарых людей сон шумный, а стенка тонкая,— ещё раз блеснул я.— Вот и слышно...

У Ядвиги Ивановны взгляд как-то сузился.

Но друг Колька сдаваться не собирался:

— Я сельский, между прочим, а у вас земля сухая, и что— «уже полито»? А откуда вам известно, что мою Наташку Натальей зовут?

— Откуда?! Оттуда!— громко возмутилась уже ставшая прежней Ядвига Ивановна.— Экая невидаль— насос и трубы с дырочками в земле. Сам он сельский! Деревня! Слышно вас, знатоков нечистой силы,— она ткнула пальцем в заложенный проём,— «бабой-ягой» меня называли, гляди ты на них! Да мне только сорок два!

Ого, подумал я, она ж нам в матери годится...

— А как вам игрушечка понравилась? Та, что «хохотунчик» называется? Жалко, батарейка подседа... Понравилось, как смеётся? Главное в жизни что? Чтобы не скучно было жить. Правильно, Коля?

— А зачем тогда кувалду?— резко наклонился в её сторону Коля, припомнив тяжёлое оскорбление.— А затем! Не надо мой компот на землю выливать! Даже не попробовали!

— Так мы... это...

Пока они препирались, я на Алёнушку смотрел. Вот бывает же такая красота, что и сравнить не с кем... Ну и вопрос закинул, когда все наши козыри закончились:

— А мы у вас ещё месячишко поживём? Если вы не против? И с Волчком точно подружимся.

Подумал: потом слово за слово— и узнаю, когда дочка придет. А если кому не нравится, может на базе пожить. В конце концов, у него Наташка есть.

— Да с этим телком дружить— как с горы катиться, он только с виду грозный,— расхохоталась совсем уже нестрашная Ядвига.— Не выгонять же его... Ребята, а я что, правда старухой выгляжу?

... Пожили мы у неё ещё месяц. Алёнушка так и не приехала: хотел я ей написать, что это последнее дело— о родителях забывать, да надо было адрес выведать, а я чего-то так и не выведал. Два дня нашей практики ещё оставалось. А Коля Ядвиге твёрдо пообещал: кого-нибудь он на квартиру к ней точно определит, или он не он будет.

Практика заканчивалась, было грустно. Коля вдохновенно, конспиративно оглядываясь по сторонам, объяснял Василичу:

— Понимаешь, я же про это больше никому не могу. Никто ж не поверит. Ты человек знающий, тебе рассказывать не надо. Помнишь, нас Папа со Славкой разъединил и Славку в другой район на неделю послал?..

— Так и правильно сделал,— не выдержал Василич.— Вас вдвоём долго держать нельзя— вы без фестивалей не можете...

— Не перебивай, Василич, я же тебе как своему. Так вот, когда Славки не было, в полнолуние дыхание...

— Ну!— мгновенноотреагировал Василич, оглянулся и наклонился поближе к Коле.— Ну? Ну и что?

— А то!— у Кольки даже глаза победно засверкали.— Но только если ты никому...

— Так я ж слышал, Коля, я слышал. Я почему вернулся? Никого нет, а дышит...

— Слушай меня, Василич! Не перебивай! Я что заметил: глаза откроешь,— никого нет, сразу исчезает. Но я чуть-чуть разглядеть успел,— и они наклонились друг к другу ещё ближе,— старая она же. Ей ведь уже лет сорок, не меньше.

— Что-о-о?— громко возмутился Василич и тяжело задышал.— Да ты что?! Много вы понимаете— «старая»! Да это ж самое то! Что б вы понима...

— Но если глаза не открывать,— плетёт свою сеть этот враль, а Василич, хоть рядом с пушки стреляй, уже только Кольку слышит,— то рукой чувствуешь: кожа такая приятная, упругая и немного влажная... Так, чуть-чуть. Пониже я тоже из-под век глянул— всё там очень даже при месте,— тут Колька покачал головой и губы трубочкой многозначительно вытянул:— Очень даже...

Нет, друг-то он, конечно, друг... Но иногда— чересчур. Язык как помело... Что-то русалочье в Алёнушке всё-таки есть...

— Да ты подумай,— Коля легко обходился без антрактов,— если вверху всё как у нас,— Коля сделал два полукруглых движения у груди,— ну, как у женщин, то прикинь: какой у млекопитающих может быть рыбий хвост? А?

— Да чего тут непонятного?— расширил глаза Василич.— Сам подумай: как она к вам на хвосте

бы дошла? То-то! Эх вы... Долго вы там ещё ошиваться будете? Практика ваша вроде закончилась?

— Послезавтра уезжаем,— с чувством выполненного долга выдохнул Коля.— Прямо сейчас идём к Ядвиге Ивановне договариваться— лучше тебе с нами ей показаться. И ты ей лишними вопросами не надоедай. Ну что, пошли?

По дороге Василич получал последние инструкции:

— Сразу предложишь ей полить сад— не волнуйся, пахать не придётся, этим русалка занимается, но предложить надо. И не гляди, что там сверху земля сухая. Это тебя не касается— поглядел и забыл. Насчёт собачки я с ней договорился— собачка тебя будет любить.

— Как— любить?— отшатнулся Василич.

— Мы рядом будем,— покровительственно обнял его Коля,— ты позовёшь Волчка, прикажешь: Волчек, ко мне! И...

Шли мы быстро, и когда жертва резко остановилась, Коля шага три пролетел в одиночном полёте.

— Василич, мы же рядом с тобой будем, ты чего? Там всё капитально схвачено, удача на тебя заговорена, зуб даю...

Уговорили. Дошли. Позвякали щеколдой калитки и подождали. Ждали недолго. Грюкнула, падая, щеколда запора, скрежет медленно отворяющейся калитки напомнил: обещали смазать, да как-то забыли,— услышали торжественное:

— Заходите.

Так же стояла величественная Ядвига и лежал у её ног очень грозный Волчек. Всё так. А мы уже послезавтра уезжаем. Трудно было матери весточку прислать?..

— Если хотите, я вам тут всё полить могу,— предлагает Василич, на что наша родственная душа, демонстративно поглядев в сторону водоёма (не только ведьмам скучно бывает, да и кто в их женском роде разбирается?), очень официально отвечает:— Всё уже полито, не волнуйтесь, пожалуйста.

Наш коллега, понимая, что всё идёт как по нотам, приосанился.

— Зови Волчка, мы рядом,— шепчет Коля и тот, часто подышав, тоже шепчет:

— Волчек, ко мне...— а Волчек, наконец-то дождавшись своего огромного собачьего счастья, бешено виляя хвостом, закидывает лапы на плечи Василича и радостно облизывает белое лицо.

Жаль, что Ядвига Ивановна не согласилась цену повысить: пригодилась бы денежка Алёнушке. А Кольку предупрежу: пусть литру ставит, а то расскажу Наталье про его шашни с русалкой. Тогда он всё про нечистую силу узнает. Или бутылки хватит? Друг всё-таки...

«P. S. Да, друг мой Колька, Николай Михайлович, было время... А что теперь? В нынешнее время нечистой силы стало намно-ого больше, и русалки тут ни при чём: какие русалки с такой экологией?— тут другие млекопитающие при чём... Ну да ладно, глядишь, поумнеть успеем... Наталье два привета передавай, прошлый раз ты забыл, наверное, передать...»